
О некоторых методологических вопросах изучения войн

© 2020 г. А.А. Кокошин

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет мировой политики,
Москва, 119991, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51.*

E-mail: from-kokoshin@yandex.ru

Поступила 02.04.2019

Автор статьи проводит мысль о том, что изучение теоретических и практических аспектов проблемы войны требует постоянного обращения к методологическим стратегиям исследования предмета. Некоторые из этих аспектов находятся в фокусе исследовательского внимания с давних пор, но в современных условиях приобретают новые измерения и не теряют актуальности. В статье подчеркивается, что в качестве методологических ракурсов такого рода можно назвать прежде всего исторический, экономический, социологический и политологический подходы к изучению войн. Автор статьи рассматривает ряд тем, требующих комплексного методологического анализа. Таковыми становятся исследование военных вопросов с точки зрения состояния системы мировой политики, учет роли личности в вопросах войны и мира, анализ вопросов войны под углом соотношения военных с невоенными средствами ведения войны. Также подчеркивается, что изучение научно-технологических факторов, приобретающих все возрастающую роль в современных войнах (а также при решении задачи предотвращения войны), нуждается в новых специальных подходах. В то же время автор констатирует, что собственная динамика научно-технологических факторов остается малоизученной. В статье говорится, что предмет войны и мира необходимо рассматривать сквозь призму оптимального взаимодействия между представителями военной науки, с одной стороны, и представителями ряда общественных наук – с другой.

Ключевые слова: политическая история войн, социология, роль научно-технологических факторов, отвлеченный рационализм, Свечин, Топорков, Михалев, Гареев, Даниленко.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-5-17

Цитирование: *Кокошин А.А. О некоторых методологических вопросах изучения войн // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 5–17.*

On Some Methodological Issues of the Study of Wars

© 2020 г. Andrey A. Kokoshin

Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University, 1, bild. 51, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: from-kokoshin@yandex.ru

Received 02.04.2019

The author of the article holds the idea that the study of the theoretical and practical aspects of the problem of war requires constant reference to the methodological strategies of researching the subject. Some of these aspects have been in the focus of research attention for a long time, but in modern conditions, they acquire new dimensions and do not lose relevance. The article emphasizes that as methodological perspectives of this kind can be called primarily historical, economic, sociological and political science approaches to the study of wars. The author of the article considers a number of subjects requiring a comprehensive methodological analysis. Such is the study of military issues from the point of view of the state of the system of world politics; the role of the individual in matters of war and peace; analysis of the issues of war from the angle of correlation of military with non-military means of warfare. It is also emphasized that the study of scientific and technological factors that are acquiring an growing role in modern wars (as well as in solving the problem of preventing war) needs new special approaches. At the same time, the author states that the dynamics of scientific and technological factors stay insufficiently studied. The article says that the subject of war and peace must be viewed through the prism of optimal interaction between representatives of military science, on the one hand, and representatives of a number of social sciences, on the other.

Keywords: political history of wars, sociology, abstract rationalism, role of scientific-technological factors, Svechin, Toporkov, Garejev, Danilenko.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-5-17

Citation: Kokoshin, Andrey A. (2020) 'On Some Methodological Issues of the Study of Wars', *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2020), pp. 5-17.

В мировой политике во все времена во взаимоотношениях между ее акторами (как государственными, так и негосударственными) едва ли не ведущую роль играет принуждение в самых разнообразных формах. Наиболее радикальная форма принуждения – это вооруженное насилие, сопровождаемое людскими и материальными потерями. Вопрос о войне, о применении военной силы в тех или иных конфликтах или кризисных ситуациях – это действительно крупнейший вопрос политики любого государства. Война, даже без применения оружия массового поражения, может привести либо к гибели государства, либо к его истощению, ослаблению по сравнению с другими государствами, а также к снижению степени его субъектности в системе мировой политики. Она же может привести и к приращению возможностей государства.

Видный отечественный военный историк С.Н. Михалев правомерно указывал, что «войну необходимо понять, изучить, готовиться к ней – это закон жизни государства, возлагающего на себя ответственность за благополучие и само существование народа своей страны» [Михалев 2003, 24]. Это рассуждение отечественного автора вызывает ассоциации с идеями ученых далекого прошлого и, в частности, созвучны концепции древнего китайского военного теоретика и военачальника Сунь-цзы. Ведь свой знаменитый трактат «О военном искусстве» он начинает с утверждения, что «война – это

великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели» [Сунь-цзы 1993, 26]. Здесь, фактически, речь идет о войне как о крайнем средстве политики государства, имеются в виду все опасности, неопределенности, риски, которые таит в себе война.

Комментируя Сунь-цзы, известный синолог В.В. Малявин пишет, что «мудрый стратег, по китайским понятиям, должен ненавидеть войну и прибегать к военной силе только при крайней необходимости» [Малявин (ред.) 2002, 8]. При этом, по словам Малявина, «китайский стратег избегает открытого противоборства не потому, что считает войну “грязным делом”, но прежде всего потому, что всякая конфронтация непродуктивна, “разрушительна для обеих сторон» [Там же]. В.В. Малявин приводит весьма примечательные слова другого политико-военного теоретика Древнего Китая Сунь Биня, который, повторяя доводы Сунь-цзы, говорил о том, что война при определенных условиях бывает необходимой для выживания государства, но «тот, кто любит войну, погибнет» (см.: [Там же, 54]). Война – одно из важнейших явлений в мировой цивилизации, в современных международных отношениях, во внутренней жизни многих и многих государств. Ее изучение требует разработки специальной и постоянно совершенствующейся методологии, о некоторых важных аспектах которой пойдет речь далее.

Таким важным аспектом является проблема политико-исторического, экономического, политологического и социологического подхода к изучению войны в противовес схоластическому подходу, оторванным от социально-политической действительности, отвлеченным рассуждениям о войне. Эта сторона вопроса изучения войн, поднимавшаяся в прошлом, остается актуальной и в современных условиях. Актуальность ее, в частности, вызвана тем, что в отечественных военно-научных исследованиях часто проходят мимо социологии, политологии, экономических, историко-политических факторов, политической психологии как причин, предпосылок, условий возникновения, хода и результатов войн. Вместе с тем сразу же надо отметить, что иная постановка вопроса о войне как об общественно-политическом феномене, которому свойственна вооруженная борьба, нашла место в работах отечественных ученых многие десятилетия назад. Существует она и в настоящее время – вопрос в том, однако, достаточны ли объемы и качество таких исследований.

А.А. Свечин в свое время – было это почти столетие назад – настаивал на том, что крайне важным является изучение именно войн, а не только одного военного искусства. Этот выдающийся отечественный мыслитель писал в 1920-е гг.: «Мы вовсе не имеем истории войн; в лучшем случае так называемая военная история представляет только оперативную историю. С тех пор как произошло разделение военной истории на историю военного искусства и историю войн, широкие точки зрения стали достоянием первой, а вторая начала мельчать, игнорируя роль политики и стремясь изучить лишь ход операций» [Свечин 2003, 69]. Во многом эта оценка остается верной и в современных условиях.

В подавляющем большинстве исследований по истории военного искусства, считал Свечин, «причинная связь военных событий» ищется лишь под углом зрения чисто военных соображений, что, «безусловно, ошибочно». В результате «поучительность теряется, нарождается много иллюзий» [Там же]. Свечин не стеснялся весьма резко высказываться против такого подхода. «Стратегия вопиет об искажении логики событий военными историками», – писал он. Соответственно, военная стратегия «не только не может опереться на их труды, но вынуждена затрачивать лишние усилия на то, чтобы рассеять посеянные ими предрассудки» [Там же, 69–70]. Конечно, речь у Свечина идет не об историках вообще, а о таких военных историках, которые видели задачу своего анализа военной истории вне общественно-политических рамок. Мыслитель пришел к очень важному заключению о том, что «читатели, интересующиеся стратегией, найдут более вызывающие на размышление замечания не в военных трудах, в особенности не в “стратегических очерках”, а в политической истории прошлых войн» [Там же, 70]. Этот вывод исключительно актуален и для нашего времени.

Несмотря на вроде бы очевидную огромную важность проблем войны и мира, именно социально-политическую историю войн как гражданские, так и военные ученые часто игнорировали, да и сегодня не уделяют ей должного внимания.

Один из практически забытых отечественных военных теоретиков 1920-х гг. (период расцвета военной мысли в СССР) А.К. Топорков также выступал как активный сторонник развития военно-исторических исследований в общественно-политическом контексте. Он резко порицал «отвлеченный рационализм в военном деле», который, по его словам, был характерен попытками «дать теорию по возможности законченную» [Топорков 1927, 47]. В этом Топорков был вполне солидарен с А.А. Свечиным и правильно указывал на то, что «военная мысль не только теоретична, но и практична, она требует конкретности: военные приемы и способы войны изменчивы и зависят от слишком многих условий». Этот теоретик отмечал, что «войны, будучи социальными явлениями, меняются в зависимости от социальных условий». А.К. Топорков писал: «У слишком многих писателей политика и социология остаются политикой и социологией, а война – войной. Если устанавливается какая-нибудь связь, то делается это чисто внешним образом, высказываются некоторые общие соображения <...> [Там же, 31]. Эта критика, высказанная почти век назад, сохраняет силу и в современных условиях. «Отвлеченному рационализму» он противопоставлял «исторический подход». («Отвлеченный рационализм» – это оторванность тех или иных логических построений по вопросам войн и военного искусства от конкретно-исторической среды, прежде всего, от его политической и социальной составляющих.) Топорков подчеркивал, что «историзм является принципиальным противником всякого отвлеченного догматизма» [Там же, 47], и совершенно правильно указывал, что «историзм по самому существу враждебен всякой застывшей догме» [Там же]. Однако он также справедливо предостерегал против ряда ошибочных, по его мнению, сторон историзма, против «историзма в его вульгарном понимании» [Там же, 48]. К сожалению, «отвлеченный рационализм» в его различных модификациях до сих пор присутствует в немалом числе трудов по вопросам войны.

Нельзя не вспомнить, что еще на рубеже XIX–XX вв. видный российский военный теоретик Н.П. Михневич отмечал, что «изучение войны как явления в жизни человеческих обществ составляет один из отделов динамической социологии, степень научности ее выводов в этой области находится в полной зависимости от развития социологии» [Михневич 1901, 730]. При этом, по Михневичу, «исследование вопроса об употреблении силы с военными целями составляет предмет теории военного искусства» [Там же].

Важность принципов историзма и учета комплекса социально-политических факторов в изучении опыта различных войн прошлого, военного искусства подчеркивает мэтр отечественной военной науки, генерал армии М.А. Гареев. По его словам, «для использования в будущем нужен не просто состоявшийся опыт, не то, что лежит на поверхности, а те глубинные, подчас скрытые устойчивые процессы и явления, которые имеют тенденции к дальнейшему развитию, проявляют себя порою в новых, совершенно других формах, чем это было в предшествующей войне» [Гареев 2017, 73]. Не менее значащей представляется и такая мысль М.А. Гареева: необходимо понять, что «опыт любой войны никогда полностью не устареваает и устареть не может, если, конечно, рассматривать его не как объект копирования и слепого подражания, а как сгусток военной мудрости, где интегрируется все позитивное и негативное из прошлой военной практики и откуда вытекают закономерности развития и принципы военного искусства» [Там же]. М.А. Гареев правильно подмечает, что «в истории нередко после большой или локальной войны пытались представить дело таким образом, что от прежнего военного искусства ничего не осталось. Но следующий военный конфликт, порождая новые способы ведения вооруженной борьбы, сохранял и немало прежних» [Там же]. Военный теоретик приходит к весьма важному заключению, в соответствии с которым «по крайней мере до сих пор в истории еще не было такой войны, которая бы перечеркнула все, что было в военном искусстве до этого» [Там же].

Говоря о размышлениях относительно изучения вопросов войны в историческом ракурсе, соотношения исторического изучения прошлого и практической пользы такого изучения, следует подчеркнуть, что нельзя упрощенно и прямолинейно воспринимать исторический опыт, особенно опираясь на отдельные исторические примеры. Исторический материал должен быть рассмотрен многопланово, с выявлением многих деталей, нюансов, которые и делают картину полной, дают основания для суждений, выводов, столь важных для понимания войн и военного дела настоящего и будущего. В предмет рассмотрения необходимо включать значительный набор исторических явлений, событий, связанных с проблемами войны и мира. Одна из важнейших задач исторического анализа – выявление разного рода тенденций (трендов), которые могут действовать в различных комбинациях в настоящем и будущем.

Много писавший на эту тему и упоминавшийся уже в таком контексте А.К. Топорков считал, что историзм вообще важен для понимания настоящего и будущего. Вот его слова: «Отнюдь не должно думать, что история является наукой, направленной только на прошлое, она вовсе не ведет лишь к одному созерцанию. Правильно понятый историзм включает в себя и настоящее и будущее, включает в себе призыв к действию. Во всяком случае, история не менее прагматична, чем естествознание» [Топорков 1927, 65]. По мнению Топоркова, «изучение Мировой и Гражданской войн должно способствовать тому, чтобы армия подошла к задаче понимания будущей войны». При этом он говорил, что «самую эту задачу ей придется решать самостоятельно, не подражая каким-либо историческим трафаретам» [Там же, 64]. Данное суждение полностью обосновано.

В отечественной военной мысли в период до Второй мировой войны было предпринято немало усилий для определения характера и основных черт будущей войны – усилий как успешных, так и не успешных. Думается, главной проблемой неудачных прогнозов того времени являлся явный дефицит политологических исследований, которыми подавляющее большинство военных ученых не занимались, а «гражданская» наука практически не обращалась к военным темам. Ряд очень важных разработок на этот предмет, к сожалению, был отвергнут, потому что их авторы оказались репрессированными, а труды, написанными ими, подлежали полному изъятию. Это в первую очередь относится к выдающимся предвидениям А.А. Свечина, сделанным им в конце 1920-х гг., особенно в его фундаментальном труде «Стратегия» (см.: [Кокошин 2013, 231–264]). Начиная со второй половины 1930-х гг. рассмотрение вопроса о будущих войнах с политической точки зрения оставалось практически полностью в руках советского партийно-государственного руководства, которое во многом в силу определенных идеологических догм не могло всесторонне, с учетом всего комплекса факторов, по-настоящему с научной точки зрения рассматривать вопросы войны и мира.

Представляется интересным особо остановиться на размышлениях А.К. Топоркова относительно того, какие выводы должны делаться по результатам военно-исторических исследований. Топорков сопоставил взгляды и методы двух известных немецких военных теоретиков и историков конца XIX – начала XX в.: Ф. фон Бернгарди и Х. Дельбрюка. Последнего весьма высоко оценивал и А.А. Свечин; много внимания Дельбрюку уделил и М.Н. Тухачевский, активно претендовавший на роль главного военного теоретика Красной армии, хотя он и не имел для этого достаточных знаний и опыта научной работы.

Топорков писал о подходе Бернгарди: «В самом деле, чего требовал Бернгарди от военной истории? Прежде всего определенного вывода, наставления, как нужно вести войну, он хотел за многообразными формами военного опыта открыть основание, на которое он мог бы положиться в своей практической деятельности» (см.: [Топорков 1927, 51]). Противопоставляя Дельбрюка Бернгарди, Топорков отмечал: «Дельбрюк же этот опыт заставляет распасться: он оказывается двуглавым, полярным; есть стратегия утомления и стратегия сокрушения, между этими полярностями колеблется военный опыт прошлого. К какому из двух примкнуть военному деятелю современности? Об этом военная история ничего не говорит. История военного искусства Дельбрюка

заклучает в себе многое и различное, но в ней нет единого на потребу, проблема остается нерешенной для военного деятеля, он предоставлен собственным силам». Говоря о военном стратеге – читателе Дельбрюка, Топорков писал, что тот «сам должен рассматривать обстановку, многообразные условия ее, причем никогда не знаешь, приняли ли их все во внимание». Далее он добавляет с ориентацией на прикладную сторону военно-исторических исследований: «А вдруг, если включишь еще новые условия, то стратегический план подлежит решающему изменению?» (см.: [Топорков 1927, 51]).

Непосредственное изучение трудов Дельбрюка позволяет автору данной работы согласиться с Топорковым. Очевидно, что «метод Дельбрюка» требует от читателя значительной самостоятельной мыслительной работы, довольно высокого уровня его общеобразовательной и профессиональной подготовки. То же самое можно сказать и об основных трудах выдающегося отечественного военного теоретика и историка А.А. Свечина. Последнего его коллеги и старший товарищ А.Е. Снесарев, по-видимому, не зря критиковал за недостаточную дидактичность книги «Стратегия», что, по мнению Снесарева, снижало возможности усвоения свечинской теории командным составом РККА, не имевшим достаточно высокого уровня образования.

Возвращаясь к теме рассмотрения войны как особого общественно-политического явления, сошлемся на слова профессора Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР, доктора философских наук И.С. Даниленко, по мнению которого, над раскрытием глубоких тайн природы этого явления «бьются лучшие умы всех поколений рода человеческого, от древних до современных <...>, и до сего времени убедительных общепризнанных ответов на многие фундаментальные вопросы не получено» [Даниленко 2003, 45].

В статье «Война» В.М. Быченкова, опубликованной в фундаментальной «Новой философской энциклопедии», которая подготовлена под руководством одного из крупнейших отечественных ученых академика РАН В.С. Степина, в частности, говорится: война – это «(1) состояние вражды, борьбы с кем-либо <...> (2) организованная вооруженная борьба между государствами, нациями, социальными группами, осуществляемая специальным институтом (армией) с привлечением экономических, политических, идеологических, дипломатических средств» [Быченков 2000, 425]. В ходе семинара в Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ 6 декабря 2017 г. было сформулировано определение войны, «не вызвавшее возражений» у участников семинара. Его огласил кандидат педагогических наук полковник А.Н. Бельский: «Война – социально-политическое явление, представляющее собой одну из форм разрешения противоречий между государствами, народами, нациями и социальными группами средствами военного насилия для достижения политических целей» (см.: [Сухих 2017 web]).

Ф. Энгельс был едва ли не первым военным теоретиком, который обратил особое внимание, в частности, на роль экономического фактора в войне. Он активно продвигал идеи о зависимости победы в войне от уровня экономического и научно-технического развития страны, от наличия материальных средств. Энгельс писал, что «победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия в свою очередь основывается на производстве вообще, следовательно... на “экономической силе”, на “хозяйственном положении”, на материальных средствах, находящихся в распоряжении насилия» [Энгельс 1961, 170]. Энгельс утверждал, что «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот» [Там же, 171]. По его мнению, «вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят, прежде всего, от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения [Там же]. Отечественный военный историк А.А. Строков в 1950-х гг. писал, что «война насквозь есть политика» [Строков 1955, V]. При этом в советское время политика в свою очередь в соответствии с тогдашним пониманием марксизма трактовалась как «концентрированное выражение экономики». Современные отечественные ученые отошли от такого упрощенного понимания политики.

В современных условиях не отрицается классическая формула Клаузевица о том, что война является продолжением политики иными средствами. При этом в преобла-

давшей ранее марксистской традиции обращалось внимание на то, что речь должна идти не только о политике внешней, но и о политике внутренней.

Регулярно поднимается вопрос, насколько применима к войне с использованием ядерного оружия формула Клаузевица о том, что война является продолжением политики иными, насильственными средствами. В связи с этим надо отметить, что ответ на данный вопрос сопряжен с такой крупной проблемой, как возможность победы в войне с применением ядерного оружия. Последнее, в свою очередь, во многом является производной от оценок последствий применения ядерного оружия в тех или иных масштабах в рамках различных сценариев с учетом всех поражающих факторов ядерных взрывов. Значение имеют также вторичные и третичные последствия применения ядерного оружия, которые нередко упускаются из виду при рассуждениях о стратегической стабильности, сдерживании, возможности применения ядерного оружия. Необходимо иметь в виду, что возникновение ядерной войны может быть результатом эскалации политико-военной конфронтации государств, следствием не каких-то рациональных, продуманных решений, а под воздействием иррациональных факторов [Кокошин, Балуевский, Потапов 2015, 26]. Так что ядерная война может быть продолжением политики, но политики иррациональной.

В подходах к изучению войн большое значение и в прошлом, и в настоящем имеет нацеленность на субъективный фактор, понимание роли конкретных личностей, различных механизмов принятия решений. Как писал С.Н. Михалев, знание «тайны, в которой война рождается», равно как и «роковых решений», принимаемых в ходе ее, требует комплексного анализа многочисленных факторов – как объективных, так и субъективных» (см.: [Золотарев (ред.) 1995, 165]). Развивая свою мысль, Михалев отмечал: «За принятие военнополитических решений и дальнейшее претворение их в жизнь прямую и непосредственную ответственность имеет определенный, как правило, весьма узкий круг лиц – государственных деятелей, политиков и военачальников» [Там же].

Этот автор, безусловно, прав, говоря о том, что «авторитет и воля верховного руководителя порой играет решающую роль в принятии военно-политических решений, направляя ход событий по пути, который впоследствии приводит государство либо к триумфу, либо к катастрофе, либо к ничейному, “патовому” исходу, предполагающему дальнейшее возобновление усилий для достижения ранее поставленных и вновь возникающих политических целей» [Там же]. Соответственно «подлинно научный подход к изучению исторических событий должен обеспечить взвешенную, всесторонне обоснованную оценку персональной роли руководителя государства, сыгранной им в подготовке страны к войне, в ходе и исходе войны» [Там же].

Войны в значительной мере являются производной от состояния системы мировой политики, структура которой образована и государствами (играют доминирующую роль), и негосударственными акторами. Войны тесно связаны и с вопросами формирования того или иного варианта миропорядка, быстро и все более непредсказуемо трансформирующегося в современных условиях. В наши дни войны ведутся в условиях резко возросшей экономической, политической и информационной взаимосвязанности и взаимозависимости государств и негосударственных акторов. Происходит как бы «уплотнение» всей системы мировой политики. Это относится и к ее военной составляющей. Правильно отметил генерал армии М.А. Гареев: изолировать при исследовании характера современных войн от указанных процессов нельзя [Гареев 2003 web]. В то же время события последних нескольких лет показали, что сдерживающее влияние взаимозависимости на поведение даже ведущих акторов современной мировой политики не следует преувеличивать. Это отчетливо проявилось в недавно развязанной администрацией Д. Трампа против КНР торгово-экономической войне, которая может оказать значительное влияние и на политико-военную сферу отношений США и КНР, торгово-экономические взаимные связи которых являются весьма впечатляющими.

Военные и невоенные средства ведения войны, их соотношение – этот вопрос приобрел особое значение на протяжении последних нескольких десятилетий. Сейчас, как известно, понятие «война» употребляется во многих сферах человеческой деятельности,

вошло в журналистский, да и научно-политический лексикон. Однако к его использованию необходимо относиться достаточно осмотрительно. Здесь нельзя пренебрегать кавычками, говоря, например, о «торговых войнах», «информационных войнах», «кибер-войнах», «войнах валют», «когнитивных войнах» и т. п. Широкое распространение получило понятие «холодная война», которую следует рассматривать прежде всего как определенное состояние системы мировой политики (см.: [Сетов 2010, 47–49]). Стоит отметить, что понятие «холодная война» в последние годы стало активно использоваться и применительно к нынешнему этапу развития системы мировой политики и трансформации миропорядка.

Война с точки зрения соотношения военных и невоенных способов ее ведения – вопрос не только относительно новый, но и спорный, как показывает наша военная литература. В.П. Гулин писал, что в результате эволюции миропорядка в XXI в. доминирующую роль будут играть «бескровные», «неболевые», «цивилизованные» войны, в которых цели достигаются не посредством прямого вооруженного вмешательства, а путем применения иных форм насилия (экономических, дипломатических, информационных, психологических и др.), как это было в «холодной войне» – без сражений массовых армий. Этот автор отметил, что войну отличает не форма насилия, а основные ее сущностные признаки: бескомпромиссная борьба с применением средств насилия в течение определенного времени; победа одной из сторон и поражение другой, существенное изменение соотношения сил и в итоге их иная расстановка [Гулин 1997, 14].

По мнению другого автора – М.А. Борчева, война может быть «невооруженным насилием», необязательно включающим вооруженное насилие [Борчев 1997, 63]. Полемизируя с такими взглядами, генерал-лейтенант авиации в отставке, доктор философских наук В.В. Серебрянников обоснованно отмечал: «Исчезает определенность, грань между истинным и ложным в понимании войны. Понятие войны приобретает бесчисленное множество смысловых значений. Исчезают границы той объективной реальности, которую понятие “война” призвано отражать» [Серебрянников 1997, 35]. Далее Серебрянников резонно указывал: «Это не может не вносить путаницу в общественно-политические отношения, программы и заявления, действия людей и социальных институтов, не говоря о ведомственных» [Там же].

В труде группы советских военных теоретиков в свое время отмечалось: «Война не сводится только к вооруженной борьбе, хотя без нее и нет войны. Вооруженная борьба составляет главный специфический признак войны» [Сушко, Тюшкевич (ред.) 1965, 16]. Это положение следует признать верным и для современных условий. Главной характерной чертой войны является именно вооруженная борьба, причем осуществляемая особым институтом государства – вооруженными силами. Война является сферой применения вооруженных сил, создаваемых и развиваемых специально для ведения разного рода войн. В то же время следует иметь в виду, что вооруженные силы могут использоваться как средство сдерживания от ведения войны. Острый конфликт без применения специфических средств вооруженной борьбы не следует считать войной, несмотря на то, что роль различных невоенных средств во многих современных войнах реально возросла (особенно это относится к информационному противоборству, в том числе к борьбе в киберпространстве). Генерал армии М.А. Гареев обоснованно считает, что «современные войны еще более тесно переплетаются с невоенными средствами и формами противоборства. Они оказывают свое влияние и на способы ведения вооруженной борьбы» [Гареев 2017, 76].

Все более активно при рассмотрении современного военного противоборства используется понятие «гибридная война». По мнению одного из наиболее известных отечественных исследователей этой проблемы А.А. Бартоша, важной характеристикой современных войн является «многомерность, которая предполагает сочетание информационного, военного, финансового, экономического и дипломатического воздействия на противника в реальном времени» [Бартош 2018, 7]. Таким «свойством многомерности в полной мере обладают гибридные военные конфликты неклассического характера с участием в боевых действиях вооруженных формирований негосударственных

субъектов, в числе которых международный терроризм, частные военные компании, для которых характерна размытая национальная и идеологическая принадлежность», – отмечает этот автор [Бартош 2018, 7]. Бартош справедливо говорит о том, что «меняется соотношение военных и невоенных способов действий, к которым прибегают стороны конфликтов» [Там же, 8]. К невоенным средствам насилия в «гибридной войне», по его словам, относятся «традиционная и публичная дипломатия, правовые экономические, идеолого-психологические, информационные, гуманитарные, разведывательные, технологические и некоторые другие инструменты воздействия» [Там же, 9].

Все более возрастающую роль в современной войне приобретает военно-технологический фактор, и его место в комплексе вопросов, связанных со стратегией изучения войны, постоянно растет, приобретая новые черты. Нельзя не вспомнить, что одним из пионеров в научном осмыслении значения, как мы теперь говорим, военно-технологического фактора был Ф. Энгельс. Его военно-историческое и методологическое наследие следует считать весьма значительным и для современных условий. При чем Ф. Энгельс неизменно рассматривал меняющуюся роль технических средств вооруженной борьбы в их эволюции на протяжении длительных исторических промежутков времени. Он, в частности, отмечал, что огромное значение имело появление в Западной и Центральной Европе в XIV в. пороха и огнестрельного оружия, революционизировавшее военное дело. Большое внимание Энгельс уделил развитию в середине – второй половине XIX в. нарезного стрелкового оружия с конической пулей. В статье «Пехота» для «Новой американской энциклопедии» он писал, что принятие на вооружение таких средств в целом ряде стран сыграло весьма значительную роль («новое вооружение совершенно изменило характер ведения войны») [Энгельс 1959б, 378]. В статье «Артиллерия» для той же энциклопедии Энгельс, анализируя эволюцию этого рода войск (начиная с конца XV в.), обратил внимание на различные технологические особенности сухопутной и морской артиллерии середины – второй половины XIX в., отметив значительный, едва ли не скачкообразный рост поражающей способности различных артиллерийских систем и снарядов (см.: [Энгельс 1959а]). Обладавший огромной эрудицией, Энгельс анализировал воздействие развивающихся средств ведения войны на тактику, а через тактику в целом ряде случаев и на военную стратегию. Он не обошел вниманием и крупные системные политико-военные вопросы, сделав на основе комплексного анализа важнейшие выводы о характере будущей Первой мировой войны почти за три десятилетия до ее начала.

Технологическому фактору и в современных условиях придается все большее значение как в зарубежной, так и в отечественной военной науке. На эту тему постоянно высказываются не только военные теоретики, но и практики. Так, в частности, начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии В.В. Герасимов, говоря о потенциальных войнах будущего, отметил, что в них будут в значительных масштабах применяться высокоточное оружие, космические, роботизированные и лазерные технологии с особой ролью систем связи, разведки, навигации [Герасимов 2018 web]. Нельзя не отметить ускоренный рост в наши дни самого широкого спектра гражданских технологий, которые в большинстве случаев развиваются более быстрыми темпами, чем технологии специального военного назначения. Вследствие этого при создании вооружений и военной специальной техники (ВВСТ) во многих странах осуществляется масштабное заимствование технических нововведений из гражданского сектора экономики. В первую очередь это относится к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). При этом весьма важную роль играет экономический, стоимостной фактор: за счет массового применения подавляющего большинства гражданских технологий они, как правило, намного дешевле специальных военных технологий.

Потенциально огромную, едва ли не революционную роль и в гражданской и в военной сфере могут играть технологии и системы искусственного интеллекта. Данные технологии развиваются волнообразно по крайней мере с конца 1950-х гг. Сейчас речь идет о «третьей волне» развития искусственного интеллекта, вновь с весьма далеко идущими оптимистическими прогностическими оценками, в частности, перспектив

революционных изменений в военном деле [De Spiegeleire, Maas, Sweijs 2017, 10–18]. При этом применение искусственного интеллекта может создать огромные проблемы с точки зрения надежного управления со стороны человека соответствующими боевыми средствами, в частности, полностью автономными разведывательно-ударными средствами [Leys 2018, 48–73].

Новый этап, судя по многим оценкам, наступает в развитии средств вооруженной борьбы в космосе (противоспутникового оружия различных видов и типов, в том числе не предусматривающего кинетического поражения, которое сопровождается огромным количеством осколков, увеличивающим и без того огромный объем космического мусора) [Веселов 2017, 102–103].

Все возрастающая роль в войнах будущего отводится киберпространству и боевым кибероперациям. Бурное развитие киберпространства предоставит все увеличивающиеся возможности государственным и негосударственным акторам для ведения в нем разного рода противоборства с результатами самого различного характера и масштабов. Обращается внимание на то, что «киберсредства» ведения борьбы во многих случаях дешевле, чем их эквиваленты, не относящиеся к киберсфере. Считается, что даже сравнительно небольшие государства с не крупными вооруженными силами при соответствующей организации могут весьма масштабно проводить кибероперации со значительными результатами [Allen, Chan 2017, 15]. Все чаще поднимается вопрос о том, что кибероружие может быть использовано и для поражения личного состава, уничтожения людей [Ibid., 23].

С высокой степенью вероятности прогнозируется, что все более значительную роль в борьбе в киберпространстве будут играть «враждебные негосударственные акторы» – криминальные и террористические группы, расположенные в «географически диспергированном пространстве» [Ibid., 16]. Отмечается, что при ведении боевых операций в киберпространстве «риск ненамеренного ущерба выше», чем риск подобного ущерба при использовании обычного оружия [Chivvis, Radin, Massicot, Reach web]. Важной особенностью «кибервойн» является серьезная трудность в определении источника киберударов. И «решение нанести ответный удар может быть принято без точного знания того, откуда произведено нападение» [Ibid.].

Исключительно велика роль различных технологий в ведении информационного противоборства. Нельзя не остановиться на вопросе о том, что следует отнести к противоборству в киберпространстве, а что к «информационным войнам». Президент Российской академии ракетных и артиллерийских наук В.М. Бурунок и его коллеги обоснованно подчеркивают различие между кибервойнами и информационными войнами. По их мнению, кибервойна – «это целенаправленное деструктивное воздействие информационных потоков в виде программных кодов на материальные объекты и их системы, их разрушение, нарушение функционирования или перехват управления ими» [Бурунок, Горгола, Викулов 2015, 131]. Информационные же войны, обоснованно считают названные ученые, – «это контентные войны», целью которых является «изменение массового, группового и индивидуального сознания», соответственно в процессе таких «войн» идет борьба за умы, ценности, поведенческие характеристики и т. п. В.М. Бурунок и его коллеги справедливо говорят о том, что информационные войны велись задолго до появления киберпространства, Интернета, насчитывают длительную историю, измеряемую многими сотнями лет. Действительно, «Интернет просто перевел эти войны на качественно иной уровень интенсивности, масштабы и эффективности» [Там же]. Необходимо отметить, что системы искусственного интеллекта могут быть использованы как для кибервойн, так и для информационных войн.

Определение роли технологий, технологического фактора в войнах настоящего и будущего, следуя выводам, рекомендациям лучших умов, занимавшихся и занимающихся проблемами войны и мира, необходимо анализировать в историческом, политическом, социальном и экономическом контекстах.

Вопросы теории войны – среди важнейших в том, что у нас принято считать военной наукой. Такие лидеры отечественной военной науки, как С.А. Тюшкевич,

М.А. Гареев, И.С. Даниленко, неоднократно ставили вопрос о ее кризисе. Причиной этого, по-видимому, является все та же дистанцированность многих военно-научных исследований от социологии, политологии, историко-политических исследований, политической психологии, длившаяся на протяжении десятилетий после окончания Великой Отечественной войны. Возникла она несмотря на наличие в 1920-х – начале 1930-х гг. сильной традиции социологического, политологического и историко-политического подхода к изучению военного искусства, военной науки и вообще проблем войны, военной стратегии – традиции, сложившейся, прежде всего, за счет усилий А.А. Свечина, А.Е. Снесарева и других отечественных военных теоретиков.

И.С. Даниленко давал следующую весьма примечательную оценку состояния военной науки в нашей стране: «Слабостью военной науки оказался преимущественно ведомственный метод ее развития, малая доступность для общественности, сфокусированность ее содержания на проблемах только технологии подготовки и ведения войны и слабая связь с вопросами раскрытия ее природы, социального смысла и целей». Даниленко отметил, что возникло «некое сектантское положение военной науки» [Даниленко 2003, 8].

В нашей стране очень небольшое число гражданских ученых занимается военными вопросами, и наоборот, военные специалисты не уделяют должного внимания общественным наукам. Серьезные комплексные исследования по истории войн и военного искусства, позволяющие сделать выводы относительно будущих войн, весьма трудозатратны и требуют больших организационных усилий. К сожалению, барьеры между военной наукой и многими остальными областями знания, без которых давно уже невозможно изучать даже собственно военную стратегию, остаются все еще весьма значительными, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки их преодолеть, которые в ряде случаев давали весьма плодотворные результаты. Преодоление этих барьеров – одна из важнейших задач в научном и прикладном обеспечении национальной безопасности России, обороноспособности нашей страны. Справедливости ради нужно отметить, что не только между военной наукой и другими областями знания остается разобщенность, она существует в целом между различными отраслями науки и, надо добавить, образования.

Одним из возможных путей преодоления такой разобщенности является создание достаточно большого числа смешанных междисциплинарных коллективов ученых и специалистов при формировании соответствующего запроса со стороны лиц и организаций различного уровня, принимающих решения. Глубинные причины изолированности в нашей стране военной науки от общественных наук в определенной степени состоят в исключительно высоком уровне секретности, которым характеризовалась весьма значительная часть направлений деятельности в военной сфере. В свою очередь, повышенная степень секретности не только военной сферы, но и многих областей политической, общественной и экономической жизни в целом была характерна для СССР.

Характер, содержание войн, формы ведения боевых действий, используемые технические средства за тысячелетия существования человеческой цивилизации изменились в огромных масштабах. Описание войны в различных исторических и теоретических исследованиях приобретает все более сложный, многомерный характер, но во многом остается фрагментированным. Именно в этих условиях историзм и комплексность, междисциплинарность исследований по проблемам войны и мира становятся еще более важными. На это должны быть нацелены усилия различных групп ученых, целенаправленно работающих на этом направлении.

Источники – Primary Sources in Russian and Russian Translation

Михневич 1901 – *Михневич Н.П.* Стратегия // Энциклопедический словарь. Т. XXXIa (62). СПб.: Издательское дело, Брокгауз – Ефрон, 1901. С. 730–733 [Mikhnevich, Nikolay P. *Strategy* (in Russian)].

Свечин 2003 – *Свечин А.А.* Стратегия. М., Жуковский: Кучково поле, 2003 [Svechin, Alexander A. *Strategy* (in Russian)].

- Строков 1955 – *Строков А.А.* История военного искусства. М.: Воениздат, 1955 [Strokov, Alexander A. *History of the Art of War* (in Russian)].
- Сунь-цзы 1993 – *Сунь-цзы*. Трактат о военном искусстве // *Конрад Н.И.* Синология. М.: Наука, 1993. С. 14–45 [Sūnzǐ Sūn Zǐ bīng fǎ (Russian Translation, 1949)].
- Сушко, Тюшкевич (ред.) 1965 – Марксизм-ленинизм о войне и армии / Под ред. Н.Я. Сушко, С.А. Тюшкевича. М.: Воениздат, 1965 [Sushko, Nikolay Ja., Tyushkevich Stepan A. *Marxism-Leninism on War and the Army* (in Russian)].
- Топорков 1927 – *Топорков А.К.* Метод военных знаний. М.: Изд-во управления делами Наркомвоенмора и РВС СССР, 1927 [Toporkov, Alexey K. *Military knowledge method* (in Russian)].
- Энгельс 1959а – *Энгельс Ф.* Артиллерия // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 14. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1959. С. 196–221 [Engels, Friedrich *Artillerie* (Russian Translation, 1959)].
- Энгельс 1959б – *Энгельс Ф.* Пехота // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 14. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1959. С. 352–379 [Engels, Friedrich *Infantry* (Russian Translation, 1959)].
- Энгельс 1961 – *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 20. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1961. С. 5–324 [Engels, Friedrich *Anti-Dühring* (Russian Translation, 1961)].

Ссылки – References in Russian

- Бартош 2018 – *Бартош А.А.* Стратегия и контрстратегия гибридной войны // *Военная мысль*. 2018. № 10. С. 22–27.
- Борчев 1997 – *Борчев М.А.* О методологии развития и формирования военной науки // *Военная мысль*. 1997. № 4 (7–8). С. 63–72.
- Буренок, Горгола, Викулов 2015 – *Буренок В.М., Горгола Е.В., Викулов С.Ф.* Национальная безопасность России в эпоху сетевых войн. М.: Граница, 2015.
- Быченков 2000 – *Быченков В.М.* Война // *Новая философская энциклопедия*. Т. 1. М.: Мысль, 2000.
- Веселов 2017 – *Веселов В.А.* Космические технологии и стратегическая стабильность: новые вызовы и возможные ответы // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2017. Т. 9. № 2. С. 65–104.
- Гареев 2003 web – *Гареев М.А.* Характер будущих войн [Право и безопасность. 2003. № 1–2 (6–7)] // http://dpr.ru/pravo/pravo_5_4.htm
- Гареев 2017 – *Гареев М.А.* О выработке у офицеров качеств и навыков, необходимых для проявления высокого уровня военного искусства // *Военная мысль*. 2017. № 12. С. 53–59.
- Герасимов 2018 web – *Герасимов В.В.* Горячие точки науки // *Военно-промышленный курьер*. 2018. № 12 // <https://vpk-news.ru/articles/41870>
- Гулин 1997 – *Гулин В.П.* О новой концепции войны // *Военная мысль*. 1997. № 2 (3–4). С. 13–17.
- Даниленко 2003 – *Даниленко И.С.* Классика всегда актуальна // *Стратегия в трудах военных классиков*. М.: Финансовый контроль, 2003. С. 7–18.
- Золотарев (ред.) 1995 – *Стратегические решения и вооруженные силы*. Т. 1. Ч. 1–3. М.: Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации, 1995.
- Кокошин 2013 – *Кокошин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. М.: МГУ, 2013.
- Кокошин, Балуевский, Потапов 2015 – *Кокошин А.А., Балуевский Ю.К., Потапов В.Я.* Влияние новейших тенденций в развитии технологий и средств вооруженной борьбы на военное искусство // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2015. № 4. С. 23–34.
- Малявин (ред.) 2002 – *Китайская военная стратегия* / Сост., пер., вступ.ст. и коммент. В.В. Малявина. М.: Астрель, АСТ, 2002.
- Михалев 2003 – *Михалев С.Н.* Военная стратегия. Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., Жуковский: Кучково поле, 2003.
- Серебрянников 1997 – *Серебрянников В.В.* Социология войны. М.: Научный мир, 1997.
- Сетов 2010 – *Сетов Р.А.* Современный мировой порядок и государственные интересы России. Термины, теории, прогнозы. М.: Три квадрата, 2010.
- Сухих 2017 web – *Сухих К.* Точка в войне // *Военно-промышленный курьер*. 2017. № 47 (711) // <https://vpk-news.ru/articles/40257>

References

- Allen, Greg, Chan, Taniel (2017) *Artificial Intelligence and National Security*, Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, Cambridge.

- Bartosh, Alexander A. (2018) 'Strategy and Counter-strategy of Hybrid War', *Military Thought*, 10, pp. 22–27 (in Russian).
- Borchev, Michail A. (1997) 'On the Methodology of Development and Formation of Military Science', *Military Thought*, 4 (7–8), pp. 63–72 (in Russian).
- Burenok, Vasily M., Gorgola, Evgeny V., Vikulov, Serey F. (2015) *National Security of Russia in the Age of Network Wars*, Granitsa, Moscow (in Russian).
- Bychenkov, Vladimir M. (2000) 'War', *New Philosophical Encyclopedia, Mysl'*, Moscow (in Russian).
- Chivvis, Christopher S., Radin, Andrew, Massicot, Dara, Reach, Clinton Bruce (web) *Strengthening Strategic Stability with Russia*, Santa Monica, CA: RAND Corporation, <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE234.html>
- Danilenko, Ignat S. (2003) 'Classics is Always Relevant, *Strategy in the writings of military classics*, Finansovy Control, Moscow, pp. 7–18 (in Russian).
- De Spiegeleire, Stephan, Maas, Matthijs, Sweijs, Tim (2017) *Artificial Intelligence and the Future of Defense*, Hague Center for Strategic Studies, Hague.
- Gareev, Makhmut A. (2003) 'The Pattern of Future Wars', *Law and security*, 1–2 (6–7) // http://dpr.ru/pravo/pravo_5_4.htm (in Russian).
- Gareev, Makhmut A. (2017) 'About the Development of the Officer Qualities and Skills Necessary for the Manifestation of a High Level of Military Art', *Military Thought*, 12, pp. 53–59 (in Russian).
- Gerasimov, Valery V. (2018) 'Hot Spots of Science', *Military-Industrial Courier*, 12 // <https://vpk-news.ru/articles/41870> (in Russian).
- Gulin, Vasily P. (1997) 'On a New Concept of War', *Military Thought*, 2 (3–4), pp. 13–17 (in Russian).
- Kokoshin, Andrey A. (2013) *Prominent Russian Military Theorist and Military Commander Alexander A. Svechin. About his Life, Ideas, Works, and Heritage for the Present and Future*, Moscow State University, Moscow (in Russian).
- Kokoshin, Andrey A., Baluevsky, Yury N., Potapov, Vladimir Ya. (2015) 'The Influence of the Latest Trends in the Development of Technologies and Means of Warfare on Military Art', *Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics*, 4, pp. 23–34 (in Russian).
- Leys, Nathan (2018) 'Autonomous Weapon Systems and International Crises', *Strategic Studies Quarterly*, 12, 1, pp. 48–73.
- Malyavin, Vladimir V. (2002) *Chinese Military Strategy*, Astrel, AST, Moscow (in Russian).
- Mikhalev, Sergey N. (2003) *Military strategy. The Preparation and Conduct of Wars in the Early Modern and Modern Periods*, Kuchkovo Pole, Moscow, Zhukovsky (in Russian).
- Serebryannikov, Vladimir V. (1997) *Sociology of War*, Nauchnyi mir, Moscow (in Russian).
- Setov, Roman A. (2010) *Contemporary Global Order and State Interests of Russia. Terms, Theories, Forecasts, Tri quadrata*, Moscow (in Russian).
- Sukhikh, Korney (web) 'Point in the war', *Military-Industrial Courier*, 47 (711) // <https://vpk-news.ru/articles/40257> (in Russian).
- Veselov, Vasily A. (2017) 'Space Technology and Strategic Stability: New Challenges and Possible Answers', *Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics*, 9, 2, pp. 65–104 (in Russian).
- Zolotarev, Vladimir A. (eds.) (1995) *Strategic Decisions and the Armed Forces*, vol. 1, part 1–3, Institute of Military History of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

КОКОШИН Андрей Афанасьевич – доктор исторических наук, академик РАН, декан факультета мировой политики МГУ.

Author's Information

KOKOSHIN Andrey A. – DSc in history, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of World Politics of the Moscow State University.